

К 100-ЛЕТИЮ Л. М. ПРЕДТЕЧЕНСКОЙ

TO THE 100TH ANNIVERSARY

OF L. M. PREDTECHENSKAYA

КАБАЛЕВСКАЯ МАРИЯ ДМИТРИЕВНА
KABALEVSKAYA MARIA DMITRIEVNA

главный редактор журнала «Учитель музыки», президент Некоммерческого фонда Д. Б. Кабалеvского
chief editor of magazine «Teacher of music», the president of the non-profit Foundation named after D. B. Kabalevsky (Moscow)

Удивительно тесен мир! С этих более чем тривиальных слов я решила начать свои воспоминания о Лии Михайловне Предтеченской. Перед тем, как погрузиться в эти воспоминания и попытаться положить их на бумагу, я прочла несколько книг, написанных ее сыном — Геннадием Анатольевичем Шальопа. В одной из них, целиком посвященной истории семьи¹, ее родовым корням, подробно рассказывается о так называемых кантонистах, детях-сиротах, живших и обучавшихся в школах военного типа, созданных при Николае I. Одним из таких кантонистов был далекий предок Лии Михайловны Предтеченской, в девичестве Гуревич, и, соответственно, самого Геннадия. Прочитав это, я открыла воспоминания собственного отца и прочитала: «Когда папа хотел поддразнить маму, он говорил, что род наш пошел от украинских кантонистов... Так я и не знаю, была ли это лишь шутка, наполненная смыслом, понятным только моим родителям, или действительно я должен искать своих предков среди безымянных сирот-воспитанников военных поселений XVIII века...». Как вам это нравится?! А в повести «Дивизион» я нашла упоминание о том, что соседями семьи Гуревичей в военные и первые послевоенные годы — а жили они в пригороде Ленинграда, в Левашово, была знаменитая летчица, первая женщина Герой Советского Союза Валентина Степановна Гризодубова. А в нашем семейном архиве есть фотография с надписью моей тетке, подполковнику, военному переводчику Норе Павловне Чегодаевой, с которой они вместе служили и летали в годы войны в одном авиационном полку. Дальше — больше. Согласно официальной биографии Валентина Гризодубова происходила из крестьянского сословия, хотя в действительности ее отец был дворянином. Об этом я вспомнила, читая уже биографию самой Лии Михайловны.

¹ Шальопа Г. Крымчаки: повести. URL: <https://proza.ru/2018/01/19/1851>.

29 сентября — день рождения Лии Михайловны Предтеченской. Ей могло бы исполниться 100 лет.

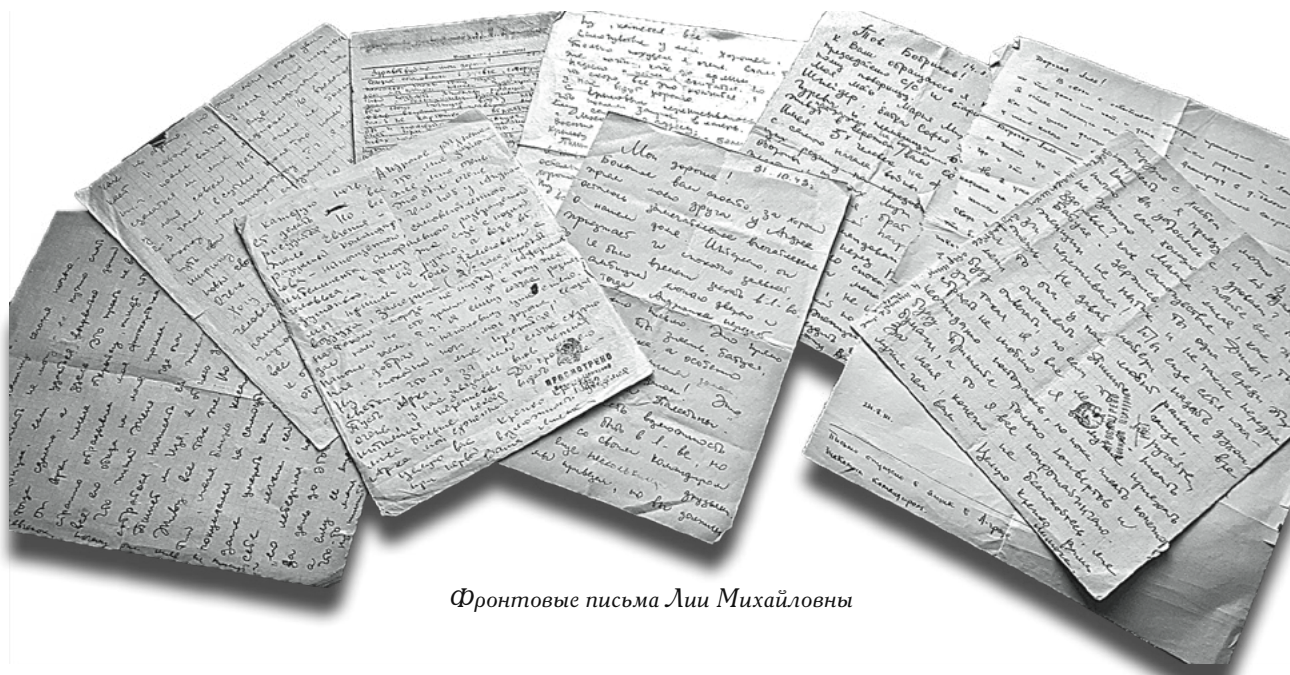
Вдумчивый исследователь, преданный своей работе педагог, широко образованный человек, обаятельная женщина, — это все о Лии Михайловне. Много различных фактов из ее жизни и трудовой биографии можно отыскать в интернете, но мне захотелось добавить кое-какие детали, которые придали бы Лии Михайловне Предтеченской только ей одной принадлежности черты.

Я знала Лию Михайловну с 1958 года. В то лето обе наши семьи — мой папа, мама, мой старший брат Юра и я — и семья Предтеченских — муж Лии Михайловны Анатолий Васильевич, сама Лия Михайловна и ее сын Гена — поплыли отдыхать на теплоходе по Волге от Ленинграда до Астрахани и обратно. Прекрасно помню невысокую, всегда радостно улыбающуюся и очень эмоционально разговаривающую Лию Михайловну. Анатолий Васильевич же, не просто высокий, а большой, уверенно-спокойный, благожелательно улыбающийся мужчина, разговаривал негромко (по крайней мере, мне так запомнилось), но четко и внятно — результат многолетней преподавательской деятельности. Он был вторым мужем Лии Михайловны. Со своим первым мужем — кадровым военным Анатолием Евгеньевичем Шальопа, уроженцем Горловки, — она познакомилась во время войны. Анатолий служил воздухоплателем в I воздухоплавательном дивизионе аэростатов артиллерийского наблюдения, сокращенно Первый ВДААН. ВДААН был создан после начала блокады Ленинграда. Поднимаясь в гондole (профессионально это называлось «хо-

Д. Кабелевский и Л. Предтеченская на Волге, 1958 г.

дить в воздух»), воздухоплатели корректировали сверху огонь наших наземных батарей по огневым точкам противника. Горел в подожженной немцами гондole, но пострадал не сильно. 22-летняя Лиля Гуревич, к началу войны — студентка исторического факультета ЛГУ, ушедшая на фронт добровольцем, служила в том же дивизионе связисткой. В ее обязанности входило поддержание связи между артиллеристами на земле и наблюдателями в воздухе и восстановление этой связи в случае обрыва. Во время одного такого эпизода была ранена в ногу, но ранение, к счастью, оказалось не опасным. Об этом периоде жизни отца и матери очень подробно,

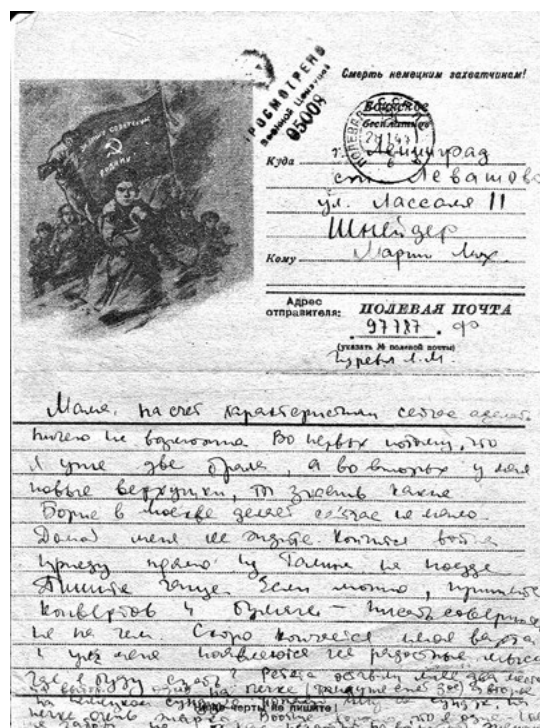
Фронтовые письма Лии Михайловны

с большой любовью и уважением к обоим написал их сын Геннадий, в своих новеллах под общим названием «Дивизион»¹. Самым неожиданным «источником» времен военной партизанской жизни Лии Михайловны для меня оказались ее фронтовые письма, бережно хранимые Геннадием. В них нет ярости или ненависти к врагу, но есть сознание того, что не защищать свою Родину невозможно. О немцах юная Лия пишет так: «Немцам мы устроили бессонную ночь, зато у вас было потише...», а в письмах уже 1944 года и вовсе звучит какое-то сочувствие, когда она пишет, что дома, в которых жили немцы, грязные и запущенные, из мебели солома на полу..., сами, без конвоиров, приходят сдаваться в плен... Особенно неожиданным мне показалась описание жизни в отряде: «...Живу в глухом лесу, в землянке, тепло и светло — у нас даже электричество есть...». Или просьба в одном из писем домой: «Пришлите воротничков и платочков!», а в другом: «Я совершенно пооборвалась, менять белье приходится очень часто, а стирать в чем попало...». Посторонним людям — в данном случае мне, Лия Михайловна о войне рассказывала немного. Однажды я спросила об этом, но услышала в ответ рассказ о том, как легко переносились по молодости лет бытовые невзгоды. «Ты можешь себе представить, — говорила она, — на улице минус сорок, а я мою голову и командир отряда поливает мне из чайничка!». Как пишет Геннадий, читая переписку отца, Анатолия, с матерью, можно сделать вывод, что в 1944 году родители уже поженились. Кстати, мало кто знает, что по факту своего рождения Лия Михайловна Гуревич была Лилей Шнейдер. Дело в том, что в конце 30-х годов для того, чтобы иметь возможность поступить в вуз, надо было иметь «правильную» фамилию и особенно — «правильное» происхождение. Поэтому девочку усыновили дедушка с бабушкой по материнской линии, поскольку дедушка имел рабоче-крестьянские корни.

После войны майор Анатолий Евгеньевич Шальопа продолжал служить, они с женой ездили по военным городкам. Лия Михайловна восстановилась в университете, училась. В 1946 году родился их сын Гена, а в 1950 году отца послали служить на 4 года в Китай. Обо всем этом Гена написал в повести «Дело было в Китае»². У меня же этот период жизни Лии

¹ Шальопа Г. Дивизион: повести. URL: <https://proza.ru/2020/01/13/1166>.

² Шальопа Г. Дело было в Китае: повести. URL: <https://proza.ru/2018/06/01/1679>.

Письмо Лии Михайловны маме с фронта

Надгробие
на могиле бабушки
Лии Предтеченской:
Софьи Моисеевны
Гуревич

Надгробие на могиле
родителей Лии
Предтеченской:
Наума Израилевича
и Марии
Михайловны
Шнейдер

Михайловны связан с очень смешной историей. Как-то я приехала в Ленинград и остановилась в квартире у Лии Михайловны. Прихожу и наблюдаю картину — в прихожей на вешалке висит роскошная шуба, мех — такой бежево-сероватый, покррой строгий, прямой... И Лия Михайловна странно задумчиво на эту красоту смотрит. Я выразила свой восторг, а она мне в ответ: — Ну, во-первых, когда я покупала эту шубу в Китае, она была палантинком с широкими рукавами и огромным воротником, но в ателье, куда я отдавала ее чуть сузить, просто вырезали несколько пластин и сказали, что ничего после переделки не осталось. Но дело не в этом — давай шубу постираем? И мы ее постирали в ванной под душем с горячей водой. Вместе с подкладкой. Вода сливалась едва не черная, зато мех оказался цвета топленого молока, потому что шуба была из ... белой норки!!! И, по словам членов семьи Предтеченских, прожила и служила верой и правдой еще много лет.

После возвращения из Китая, по воспоминаниям Геннадия, его родители расстались. Отец закончил школу, техникум и институт. А мне Лия Михайловна рассказывала, что, когда они с Геной возвращались в Ленинград, у нее «глаза горели от слез», настолько трудным было принятое ею решение. Как написал Гена, «...военная любовь, когда ежедневно смерть была рядом, и каждый прожитый день мог стать последним, дается один раз и то, что она была — уже счастье». И этим все сказано.

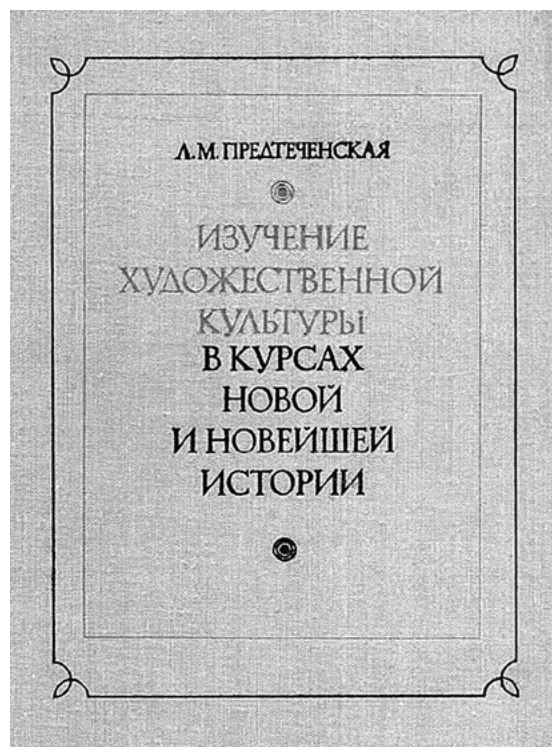
А потом в жизнь Лии Гуревич вошла огромная любовь. Она вышла замуж за профессора исторического факультета, своего преподавателя Анатолия Васильевича Предтеченского, человека широчайшей

эрудиции. Помню, как Лия Михайловна рассказывала мне о том, чем он покорял всех своих студентов: «Вот приходит к нему на семинар студент и приносит свою, как ему кажется, грандиозную по новизне идею. Анатолий Васильевич выслушивает и говорит: — Замечательно, очень интересная мысль! Обязательно займитесь ее разработкой! Только чуть позже, а сейчас вернемся к теме последнего занятия...».

Годы, прожитые Лией Михайловной с Анатолием Васильевичем, вне всякого сомнения, были самыми культурно наполненными. Именно Анатолий Васильевич, специалист в области культуры России времен декабристов, подал ей идею разработки курса по мировой художественной культуре. Именно он все отпущенные им годы совместной жизни всячески поддерживал и направлял ее в работе. Насколько я могу судить по хранящейся в РГАЛИ переписке моего отца с А. В. Предтеченским, сначала установились их профессиональные контакты, Анатолий Васильевич присылал Дмитрию Борисовичу на рецензирование рукопись своей книги. А потом уже началась работа над будущей программой по мировой художественной культуре. Работа шло сложно. Как писал Д. Б. Кабалевский Л. М. Предтеченской в письме от 14 мая 1971 года: «...я предсказал Вашей программе “зеленую улицу”, а улица-то оказалась вовсе не такой зеленой (хотя, конечно, и не красной...)». Молодой тогда еще и совсем неопытной в канцелярских боях Лии Михайловне было сложно

Лия Михайловна и Анатолий Васильевич Предтеченские на прогулке. 1964 г., апрель, г. Пушкин

ориентироваться в словесных дебрях власть имущих, и Дмитрий Борисович писал ей, что «всякому делу на рубль должны предшествовать разговоры, по крайней мере, рублей на пятьдесят...». И при этом отказался стать официальным консультантом программы, аргументируя свой отказ так: «У меня нет достаточно знаний [...], чтобы оказать Вам ту особо тонкую и очень квалифицированную помощь, которая только и нужна программе в этот ответственный момент ее жизни. Смогу ли я?». И изменил свое решение только после того, как Программа по Мировой художественной культуре была официально утверждена.

Сложно переоценить поддержку, которую постоянно оказывал Лии Михайловне муж, Анатолий Васильевич. К сожалению, им было отпущено не так много времени. Лия Михайловна сложно приняла его уход. По рассказам домочадцев, имя Анатолия Васильевича упоминалось постоянно, она как бы сверяла свою жизнь с его оценкой. Но ей еще раз повезло — последние почти 30 лет до конца ее жизни рядом с ней был Михаил Владимирович Костенко, верный друг и надежная опора в жизни и в работе.

Беру на себя смелость утверждать, что Лия Михайловна Предтеченская прожила долгую и очень счастливую жизнь. Полная профессиональная самореализация, общение с интересными людьми. Счастье любви — как к ней самой, так и с ее стороны. Лия Михайловна вырастила чудесного сына Геннадия. Я по сей день с легкостью могу вспомнить ее светящееся лицо и звенящий гордостью голос: «Машка, ты только послушай — "Врач Геннадий Шальопа". Ну как звучит, а?!». Когда Гена женился и родились два внука при внешней занятости и отстраненности Лия Михайловна много души вкла-

дывала в их воспитание, делилась проблемами, обсуждала возможные перспективы. Умерла Лия Михайловна в прямом смысле слова на руках искренне любимой и глубоко уважающей ее невестки Нины. Всем бы нам такую жизнь!

Не хочется заканчивать воспоминания на минорной ноте. Лично для меня Лия Михайловна всегда ассоциируется с таким клубком позитивной энергии, стоящим на пороге нашей квартиры. Если говорить о ее работе по разработке Программы, то конечно, со временем Лия Михайловна из начинающего ученого, с замиранием слушавшая советы Мастера, превратилась в настоящего единомышленника и надежного товарища, по-настоящему близкого по духу. В письме, датированном 20 января 1974 года, Д. Кабалевский писал: «...может быть, я понимаю Вас лучше многих других знакомых и даже друзей...». А в другом, написанном через два с половиной года в мае 1976 года, можно прочитать: «Мне доставляет удовольствие думать о том, что спустя несколько десятилетий Вы будете рассказывать молодым учителям о том, как мы с Вами вместе мечтали, трудились, плакали и радовались, поддерживали друг друга в трудные минуты, иногда впадали в отчаяние, но веры в то, что делаем нужное и доброе дело, — никогда не теряли. Вы увидите настоящие результаты наших усилий, но и я кое-что надеюсь увидеть тоже».

С Днем Рождения, дорогая Лия Михайловна!

К 100-ЛЕТИЮ ЛИИ МИХАЙЛОВНЫ ПРЕДТЕЧЕНСКОЙ

Л. М. Предтеченская

А. В. Предтеченский

С коллегами-учениками

На открытом уроке

В кругу семьи

С сыном Геннадием

С невесткой Ниной

Учителя на открытом уроке

С Михаилом Костенко

Надгробие на могиле А. В. и Л. М. Предтеченских, Северное кладбище, Санкт-Петербург